

- Вы часто обращаетесь к пьесам Шекспира. Чем вас привлекает этот драматург?

- Из всех драматургов мирового масштаба Шекспир для театра, как Библия. На Шекспире проверяется мастерство, сила и волшебство любого театра. Если в его репертуаре есть «Гамлет» и он идет с успехом, то у меня возникает уважение к такому театральному коллективу. Мне бы хотелось, чтобы Шекспир всегда был в нашем репертуаре, потому что его произведения - вершина театральности творчества и большая школа для артистов. Он неисчерпаем, так у кого же, как не у него, нам учиться и даже прибавлять к его фабуле свои остроты и шутки. Никто не будет жаловаться - драматург принадлежит всем.

- В Театре на Юго-Западе лет 15 назад уже побывал «Гамлет» (в вашей постановке). Почему он вернулся снова?

- В первом варианте роль Гамлета исполнил Виктор Авиллов, а роль Клавдия - я. Мы долго и успешно играли этот спектакль, ездим с ним на гастроли в Америку, Астрию, Японию, Корею. Но пришло новое время, все изменилось, мы стали другими, теперь эстафету должна переимать молодежь. Сегодня Гамлета играет Сергей Неудачин, Клавдия - Алексей Матюшин, Офелию - Карина Дьячкова. Все артисты - профессионалы и имеют определенный опыт работы в театре. Но это актеры уже третьего поколения. Например, Михаил Белякович, сын Сергея Беляковича и Ольги Авилловой, наш общий с Авилловым племянник. Когда мы создавали театр, Михаила даже в проекте еще не было. Я помню, когда мы забирали его из роддома. А сейчас он уже играет, причем Полония, а это серьезная возрастная роль.

- Сейчас стало модно совмещать классику и писать в программах: «По мотивам того или иного произведения». До какого предела можно дойти? Не лучше ли остановиться хотя бы у последней черты?

- Мне кажется, что никакой черты быть не может. Режиссер имеет право что-то изменять в произведении даже именного автора так, как подсказывает ему собственный опыт и талант. К примеру, если меня вдохновили мотивы какой-то пьесы, почему я не могу сделать свою интерпретацию? Важно при этом указать, что спектакль создан по мотивам, например, произведений Голсуорта. Просто не хочется ставить пожиме друг на друга спектакли, да и тогда неинтересно зрителю будет ходить в театр. Как-то я был на спектакле «Макбет», поставленном моим сокурсником Эммануилом Нягрхосом, там так много, что это у Шекспира. Я бы мог сказать режиссеру, что он изжил пьесу. Но я понимаю - это его видение мира, и он имеет на это право. Как говорится, нет предела для совершенства.

- Но ведь речь идет о вечной классике, и современность спектакля не только в том, чтобы взять за основу канву сюжета и добавить к ней фольклорный язык и сценическую атрибутику. Наверное, важен и социальный аспект.

- Возьмем, к примеру, одну из последних премьер нашего театра «Два веронца». Я оставил канву шекспировского сюжета, но текст переписал весь. Это практически новая пьеса, но с теми же действующими лицами. Правда, играют ее не исторические персонажи, а божки в переходе, которых не признает современное общество, хотя от этого нигде не деться. Вот это и есть так называемое совмещение. Хорошо или плохо сделан спектакль, зависит от вкуса постановщика и исполнителей. А необходимо это зрителям или нет, пусть решают сами. Одним это совершенно не нравится: «Зачем вы делаете из Шекспира какой-то капустник?». А другие говорят: «Ой, как здорово! Надо же, благодаря Шекспиру и божки могут почувствовать себя людьми». Если обратиться к практике наших великих режиссеров, то можно сказать, что, например, Марк Захаров переиначивал с Григорием Гориным все, и Юрий Любимов тоже делал так, как ему хочется. Вот они, «священные чудовища» современного театра! А Борис Равенский, мой учитель, на сцену даже не смотрел, когда мы ставили Гоголя, обращал внимание только на слова и записные. Ему было важно выразить автора.

- В этом вопросе много спорного, но заветная черта, которую нельзя переходить, мне кажется, все-таки существует по отношению к классикам.

ГРОТЕСК И ПРОНИЗИТЕЛЬНАЯ БОЛЬ ВАЛЕРИЯ БЕЛЯКОВИЧА

Непрезойденный мастер современной режиссуры, народный артист России Валерий Белякович показал зрителям премьеру спектакля «Гамлет». Это вовсе не хрестоматийная трактовка Шекспира. Скорее яркая психологическая реакция современного человека на низость и предательство в своем доме, которое может обернуться большой бедой для всех. Собственное достоинство и достоинство страны - это главное, что ставит он во главу угла. И как предостережение - необычный финал: поднятые на зрителя пошатнувшиеся колонны, как прожоржора, которые ослепляют в крошечной тьме и жгут нашего раскаяния. Творчество Шекспира стало высшей точкой мастерства главного режиссера Театра на Юго-Западе, опорой и героикой, и на спектакль с удовольствием идут современные зрители. Аншлаг - награда за нетрадиционное прочтение классики, которую он умело интерпретировал. Как это ему удалось, ВАЛЕРИЙ БЕЛЯКОВИЧ рассказывает в интервью с обозревателем «РВ».

- Есть, конечно, такие авторы, которых нельзя переписать никаким образом. Особенно это относится к русской драматургии. Допустим, у того же Гоголя такой язык, что ты не имеешь права добавлять свои словечки. «Горе от ума» Грибоедова тоже нельзя никак переиначивать. В комедиях Шекспира это допускается в определенном смысле, поскольку его произведения относятся к переводной литературе.

- Но вам удаётся, обращаясь к Шекспиру, сохранить главное в его драматургии - поднять униженных людей.

- Еще Станиславский говорил, играя злого, ищите, где он добрый. Это вообще тема нашего театра - поиск человеческого в человеке, даже в падшем, ведь всегда можно возродиться. Даже «На дне», даже в «Вальпургиеву ночь» или среди брошенных «Собака» - всегда есть какая-то надежда на лучшее. Без нее как жить? Тогда очень уж все пессимистично получается. А у Шекспира в душе любого персонажа, даже Макбета, происходит борьба добра со злом. Образы неоднозначны, бесконечно сложны. Молодым артистам это трудно понять. Нужно прожить целую жизнь, причем быть не раз «битому», чтобы можно было опираться на свой опыт, на свои беды, на свои потери и разлуки...

- В спектаклях вы дарите зрителям надежду, даете возможность вдохнуть глоток чистого воздуха, которого порой не хватает. Как вам это удается?

- Мне повезло, я как-то сразу понял, что должен заниматься театром. Нашел единомышленников, создал театр, образно говоря, похаживая на большую квартиру, куда мы с радостью приходим сами и куда приходят зрители. Часто говорю своим артистам: «Вы Бога должны благодарить за то, что имеете возможность выходить на подмостки. Вы - счастливые люди, вы рот открываете, что-то проповедуете, а на вас смотрят как на богов». Главное - надо больше работать... Отсюда ощущение полноты бытия. Я понимаю, что жизнь сама по себе - бездна. Но когда я прихожу в какой-нибудь другой театр в плохом настроении, вижу, как люди работают, как играют, как танцуют, думаю, а что же я хочу, как старик?

- Говорят, что сегодня в Москве нет политического театра. Но в ваших спектаклях чувствуются некие его элементы.

- Раньше больше чувствовалось, потому что был тогда с сопротивлением - я имею в виду попытки сатиры на власть (спектакли «Носорог», «Дракон»). А сейчас это настолько не актуально, насколько литература и журналистика опередили театр в этом направлении, что стало невозможно с ними соперничать.

Мы делаем то, что нужно, на наш взгляд. В результате многие спектакли идут по 10 - 20 лет. Так, «Мольер» скоро будет 24 года. «Старый грехам» - 25, «Женитьба» - более 30 лет. Есть, конечно, и много новых постановок. Театр - симбиотическое искусство. Я, например, помню, как играла Фаина Раневская, Лидия Сухаревская, ее муж Борис Тинь. Мертвые живы, пока живы помнят о них. Кино в этом смысле живет дольше, как и книги...

- Какво, на ваш взгляд, состояние современного театра?

- Активное и будоражащее в антрепризном театре и стационарном, домашнем и городском или федеральном. Постоянно идут поиски новых форм и жанров. Я недавно работал в Токио, побывал в других странах и понял, что Москва входит в пятерку самых важ-

ных театральных городов, наряду с Лондоном, Парижем, Нью-Йорком. В московских театрах богатейший репертуар, талантливая режиссура, прекрасные актерские работы.

- А как дела обстоят в провинции? Вы одновременно являетесь художественным руководителем Нижегородского театра комедии.

- Театр построили три года назад. Там я поставил несколько спектаклей из своего репертуара, в частности «На дне», поскольку это родина Горького, «Сон в летнюю ночь», «Дурки», «Триптих»... Пригласил туда Валерию Саркисова работать над «Обломовым», Елену Невехину - над спектаклем «Губы Мики Джагера», Александра Бармыка - он будет работать над спектаклем «Пигмалион». Получился живой театр, даже покруче Нижегородского театра драмы. Ведь в провинции меньше режиссеров, чем в Москве. Поэтому театры очень часто копируют московские спектакли, у многих из них нет своего лица - это их основная проблема.

- Какой жанр, на ваш взгляд, сегодня больше всего востребован: драма, комедия, мюзикл или еще что-нибудь?

- Сейчас такая жизнь, что все смешалось, и получилась эклектика. Один жанр переходит в другой, сначала становится смешно, а потом хочется плакать - ярчайший гротеск - и вдруг пронзительная боль. Мне это ближе всего, чем одноплановая чернуха под названием драма.

- Что вы можете сказать о появлении новой драматургии?

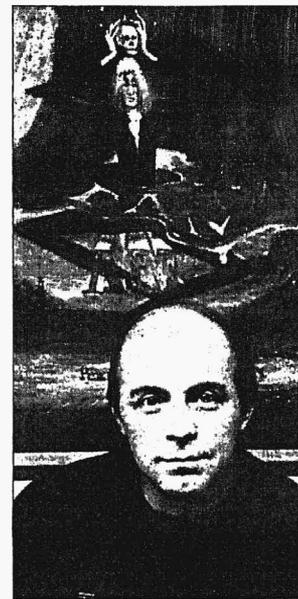
- Если иметь в виду таких авторов, как Михаил Угаров, Вадим Леванов, Петр Гладилин, - это интересное явление. Недавно я прочитал пьесу Ксении Драгунской «Ощущение бороды», захохотал от восторга - очень талантливая. Мне нравятся пьесы Владимира Сорокина - у нас идут два его спектакля. Ради эксперимента поставил пьесу Олега Шинкина «Анна Каренина-2» - модернизм: пляска на костях Толстого. Я позитивно отношусь к этим авторам: они талантливые люди. Недавно посмотрел спектакль «Трансфер» по пьесе Максима Курочкина - талантливо.

- Это точка зрения режиссера. А как вы думаете, что зрители больше всего любят: классику или новую драму?

- Однозначно классику. Потому что это проверено временем, как хорошее вино. Независимо, останется, к примеру, Курочкин в веках или станет очередным Похлебкиным, которого никто и не вспомнит. А классика и есть классика.

- При создании постановок случаются ли с вами мистические или необычные эпизоды?

- Случаются, когда я начинаю работать над новым проектом. Например, при постановке

спектакля «Два веронца» мне стали идти какие-то знаки: вдруг кто мне приехал коллектив из Вероны, появилась реальность путешествия в Милан... Начал готовить «Гамлета» - приехали в Москву датчане, подарили мне редкую книгу... Я расцениваю это как попадание в точку. Обычно не начинаю спектакли, пока не определюсь со сценарием (я - сценарист всех своих постановок). В свое время не знал, как поставить «Мастера и Маргариту»: столько персонажей, столько мест действия... Помню, шел в театр ремонт, ребята понесли на крышу железные листы, и вдруг меня осенило: стоп, сказал я, повесть их на стену... Вот так родилось оформление.

- Накануне Нового года принято подводить итоги и рассказывать о планах на будущее. Может быть, мы последуем этой традиции?

- Летом у нас были очень сложные гастроли по Японии, после этого и поехал в Токио ставить спектакль «Гамлет» с японскими артистами. Потом мы побывали на гастроях в Корею. Я только недавно приехал, и поэтому моя задача восстановить спектакли и поставить шесть новых премьер, причем я хочу, чтобы каждый артист театра был занят.

- Что вы подготовили к Новому году?

- У нас будет два спектакля: «Встреча с песней» - сатирико-комическое обозрение, 31 декабря у меня моноспектакль, где я буду читать свои рассказы и драматические монологи. И вообще буду один на один со зрителем.

- Вас это не пугает? Или вы можете рассказывать смешные эпизоды из театральной жизни?

- Самое смешное в театре - это оговорки. Я все время борюсь с ними. Вот недавно пришел к нам молодой актер из Ярославского училища, и мы его прозвали Ухайд. Он сейчас играет в «Гамлете», где должен сказать: «Вот я сейчас наливаю в ухо дн». Но он не разделяет слова. Вот и получается смешно.

- Что бы вы хотели пожелать себе, актерам и всем нам в Новом году?

- Желаю спокойствия и равновесия, чтобы жить в гармонии с самим собой, довольствоваться тем, что есть, ценить то, что дано.

Нинель ЩЕРБИНА.

«РВ» ДОСЬЕ Валерий Романович БЕЛЯКОВИЧ до «Юго-Запада» прошел не один театральный университет. Первым был Театр юных москвичей, где четыре года творчества можно было приравнять к среднему театральному образованию. Вскоре В.Р. Белякович стал одним из ведущих актеров: исполнил роль Николая Островского в драме Ю.Непринцева «Девятая симфония», играл главную роль в спектакле «Обелиск» Г.Мамлина. Потом служил в армии, где возглавлял художественную самодеятельность, играл Дедушку Мороза в подшефных домах пионеров, к столетию другого дедушки - Ленина - поставил юбилейный концерт с театрализованной уколочной. Учился актерскому мастерству у Андрея Гончарова, играл в театре у Юденича. В 1976 году создал свой Театр на Юго-Западе, становление и развитие его шло параллельно с учебной на режиссерском факультете ГИТИСа, который он закончил в 1981 году. Играл Мольера, дон Хуана, героев Чехова, Гоголя, Шекспира. До сих пор совмещает две профессии: актера и режиссера прославленного театра.